

УДК 341.49:343.811

П. В. Тепляшин, О. В. Обернихина**МЕЖДУНАРОДНЫЕ ПЕНИТЕНЦИАРНЫЕ СТАНДАРТЫ
И ЕВРОПЕЙСКАЯ ПРАКТИКА ЗАЩИТЫ ПРАВ ЗАКЛЮЧЕННЫХ:
ОЖИДАЕМАЯ ПЕРСПЕКТИВА ДЛЯ ОТЕЧЕСТВЕННОГО
УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА**

В статье рассматриваются история и результаты международного сотрудничества по вопросам защиты прав заключенных, приведены результаты такого сотрудничества на примере организационно-структурных преобразований в уголовно-исполнительной системе. Проведен анализ норм отечественного законодательства на предмет эффективности осуществления процесса реализации международной практики исполнения наказания и заключения под стражей, а также обеспечения реформирования уголовно-исполнительной системы Российской Федерации.

Исследуется практика защиты прав указанных лиц на международном уровне, когда нормы отечественного права исчерпали себя, а органы государственной власти и их должностные лица предпринимают попытки установить механизм внутригосударственного противодействия «нежелательным» решениям Европейского суда по правам человека. Авторы дают оценку процессу трансформации национальных правовых систем под влиянием решений, выносимых международными судами. Анализируются правовые, институциональные и организационные механизмы, используемые международными судами для эффективного взаимодействия с национальными правовыми системами, а также те сложности, с которыми международным судам приходится сталкиваться в процессе трансформации национальных правовых систем (на примере Европейского суда по правам человека).

Ключевые слова: *Международные пенитенциарные стандарты; защита прав заключенных; трансформация права; Европейский суд по правам человека; Европейская Конвенция по защите прав человека; судебная и правоприменительная практика.*

P. V. Teplyasin, O. V. Obernikhina**INTERNATIONAL PENITENTIARY STANDARDS AND EUROPEAN
PRACTICE FOR THE PROTECTION OF THE RIGHTS OF THE
PRISONERS: EXPECTED PERSPECTIVE FOR DOMESTIC
CRIMINAL-EXECUTIVE LEGISLATION**

The article discusses the history and results of international cooperation on the protection of prisoners' rights, the results of such cooperation on the example of organizational and structural changes in the penitentiary system. The analysis of the norms of domestic legislation was carried out with a view to the effectiveness of the implementation of the process of implementing the international practice of executing punishment and imprisonment, as well as ensuring the reform of the penitentiary system of the Russian Federation.

The practice of protecting the rights of these individuals at the international level is being studied, when the norms of domestic law have exhausted themselves, and the state authorities and their officials attempt to establish a mechanism of domestic opposition to the “undesira-

© Тепляшин П. В., Обернихина О. В., 2019

© Teplyasin P. V., Obernikhina O. V., 2019

ble” decisions of the European Court of Human Rights. The authors assess the process of transformation of national legal systems under the influence of decisions made by international courts. The author analyzes the legal, institutional and organizational mechanisms used by international courts for effective interaction with national legal systems, as well as the difficulties that international courts face in the process of transforming national legal systems (using the example of the European Court of Human Rights).

Keywords: *International penitentiary standards; protection of prisoners' rights; law transformation; European Court of Human Rights; European Convention for the Protection of Human Rights; judicial and law enforcement practice.*

Вступление России в Совет Европы (далее — СЕ) и последующая ратификация Европейской Конвенции о защите прав человека и основных свобод обусловили достаточно радикальные изменения в характере условий содержания осужденных и лиц, содержащихся под стражей. С этого момента осуществляется процесс активного изменения отечественного законодательства в соответствии с рекомендациями международных и европейских стандартов в области обращения с осужденными. Данный процесс можно охарактеризовать как последовательная, но во многом прерывистая реализация положений ч. 1 ст. 3 УИК РФ, суть которых сводится к неукоснительному соблюдению при применении уголовно-исполнительного законодательства Российской Федерации Конституции РФ, общепризнанных принципов и норм международного права и международных договоров Российской Федерации.

Так, за последние 20 лет численность лиц, содержащихся в местах лишения свободы и местах заключения под стражу, снизилась примерно в три раза [8, с. 6; 15, с. 54–55], в первую очередь это произошло по причине сокращения применения лишения свободы в качестве меры пресечения и наказания, в частности, появились новые виды наказаний, альтернативных лишению свободы: исправительные работы, обязательные работы, принудительные работы, ограничение свободы и запрет заниматься определенной деятельностью и занимать определенные должности. Особое значение в формировании гуманной уголовно-

исполнительной политики и экономии репрессивности уголовных наказаний сыграли иные меры уголовно-правового характера, которые позволили реализовать принципы дифференциации и индивидуализации наказаний, что ранее было недоступно для отечественного законодательства на таком уровне. Значительно преобразился и перечень мер пресечения, когда в 2018 г. была введена новая мера в виде запрета определенных действий. В результате, по предварительной оценке экспертов-пенитенциаристов, в настоящее время в России сложилась ситуация, при которой возможны дальнейшие преобразования, способные приблизить фактическое положение в пенитенциарной системе России к международным стандартам.

Проделана серьезная работа по приведению условий содержания лиц, заключенных под стражу, в соответствие с требованиями минимальных стандартных правил обращения с заключенными посредством организации помещений, функционирующих в режиме следственного изолятора, расширения действующих следственных изоляторов и строительства новых, соответствующих международным стандартам. Ведется достаточно активная работа по реорганизации старых и введению в эксплуатацию новых исправительных учреждений для исполнения наказания в виде лишения свободы, а также учреждений для исполнения альтернативных лишению свободы наказаний (в частности, исправительных центров).

Время, прошедшее с начала преобразований, позволяет дать предварительную оценку полученных на сегодняшний день результатов и определить дальнейшие приоритеты развития уголовно-исполнительной системы Российской Федерации. Для более точного понимания масштаба проводимых преобразований можно привести следующие сведения.

В настоящее время, в соответствии с федеральными целевыми программами «Развитие уголовно-исполнительной системы (2007–2016 годы)» (постановление Правительства РФ от 05.09.2006 № 540) и «Развитие уголовно-исполнительной системы (2018–2026 годы)» (постановление Правительства РФ от 06.04.2018 № 420), по состоянию на 1 января 2019 г. в России функционирует 707 исправительных колоний, что, в частности, на 21 исправительное учреждение меньше по сравнению с 2017 г. Однако за указанный период времени количество больниц увеличилось на 11 и составило 144 (в том числе 65 туберкулезных больниц, 5 психиатрических больниц, 8 больниц для оказания медицинской помощи сотрудникам УИС), стало больше на 2 количество центров трудовой адаптации осужденных и составило 569 [5]. Эти статистические закономерности демонстрируют акцент на развитии реабилитационных начал в функционировании уголовно-исполнительной системы, что в известной степени вторит реализации соответствующих международных пенитенциарных стандартов и правил.

Следует отметить, что развитие системы учреждений, исполняющих наказания в соответствие с нормами лимита наполняемости, так и мест содержания под стражей (98,9 %) происходит довольно активно. В 65 территориальных органах ФСИН России жилая площадь, приходящаяся на одного подозреваемого и обвиняемого, соответствует норме (норма санитарной площади в камере на одного человека устанавливается в размере

4 м²), установленной ст. 23 Федерального закона от 15.07.1995 № 103-ФЗ «О содержании под стражей подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений». В 63 территориальных органах ФСИН России жилая площадь, приходящаяся на одного осужденного к лишению свободы, соответствует норме, установленной в ст. 99 УИК РФ.

В целях повышения эффективности работы учреждений и органов, исполняющих наказания, до уровня европейских стандартов обращения с осужденными и потребностей общественного развития 28 ноября 2016 г. был утвержден План мероприятий по реализации положений Концепции развития уголовно-исполнительной системы Российской Федерации до 2020 года (приказ Минюста России от 28.11.2016 № 265). Был поставлен ряд задач, направленных на обеспечение реализации Концепции развития УИС РФ 2020 года (распоряжение Правительства РФ от 14.10.2010 № 1772-р): совершенствование уголовной и уголовно-исполнительной политики; создание условий для постепенного снижения количества осужденных и, что немаловажно, развитие международного сотрудничества с пенитенциарными системами иностранных государств, международными органами и неправительственными организациями.

Таким образом, законодатель пытается восполнить пробелы законодательного регулирования процесса исполнения наказаний и предупредить проблемы практики его применения, обеспечить защиту прав осужденных и лиц, содержащихся под стражей, в той мере, в какой это возможно с учетом ч. 4 ст. 3 УИК РФ — с учетом «необходимых экономических и социальных возможностей».

Особую роль в обеспечении указанного процесса играют международные правозащитные органы, в частности, Европейский суд по правам человека (ЕСПЧ), который, в отличие от большинства международных судов, призван

решать вопросы, возникающие между государством и физическими лицами. ЕСПЧ представляет собой специальную надгосударственную судебную юрисдикцию, защищающую от нарушения на национальном уровне права каждого, предусмотренные Европейской конвенцией о защите прав человека и основных свобод [4]. Тем самым Россия, признавшая юрисдикцию Европейского суда по правам человека в 1998 г., приняла на себя обязанность неукоснительно соблюдать Конвенции о защите прав человека и основах свобод, что значительно повлияло на развитие многих отраслей права и институтов, а также правоприменительную практику [7, с. 123].

Высшие судебные инстанции России стали активно ссылаться на решения и постановления ЕСПЧ, а также применяют в своих судебных актах его правовые позиции и институты Европейской конвенции (в частности, принцип баланса публичных и частных интересов, правовая определенность и предсказуемость правового регулирования, концепция разумных ожиданий и др.).

Тем самым международные суды постепенно стали одним из основных инструментов создания общих правовых стандартов на международном уровне, и под их влиянием трансформировались национальные системы стран-участниц (наряду с такими механизмами, как заключение международных договоров, направленных на закрепление общих норм и стандартов, выработка норм мягкого права в рамках международных организаций, функционирование различных механизмов обзора и мониторинга соблюдения международных обязательств) [13, с. 68].

Нельзя не отметить, что международные суды, помимо субъектного состава участников и предмета регулирования, отличаются друг от друга еще и по степени влияния на национальные правовые системы, в частности, по своему «трансформационному» потенциалу. Например,

ЕСПЧ и Суд европейских сообществ значительно преуспели в указанном вопросе, а Международный суд по правам человека сталкивается с серьезными трудностями в вопросах изменения национальных правовых систем. А. А. Ковалев определяет причины сложившейся тенденции в том, что в отличие от Европейской Конвенции по правам человека, Африканская и Европейская хартии, а также Американская конвенции по правам человека отражают политическую реальность, исторические традиции и ценности соответствующего региона. Африканская хартия, например, делает акцент на вопросах «самоопределения, борьбы с колониализмом», на проблемах социально-экономического и культурного развития [2, с. 317].

Также заметим, что международные суды и трибуналы — Международный уголовный трибунал по бывшей Югославии (ICTY), Международный трибунал по Руанде (ICTR), Специальный суд по Сьерра-Леоне (SCSL) и Международный уголовный суд (ICC) к настоящему времени в полной мере соблюдают международные стандарты и гарантии минимально возможной продолжительности содержания осужденных, иницируют мониторинг условий содержания заключенных со стороны таких организаций, как Красный Крест и Европейский комитет по предотвращению пыток и бесчеловечного или унижающего достоинство обращения или наказания [16, с. 789–800].

Нельзя не отметить, что на современном этапе развития российской государственности обязательное исполнение и соблюдение судебных решений Европейского суда по правам человека становится довольно острой проблемой. Ранее Российская Федерация, впрочем, как и большинство государств СЕ, молчаливо игнорировала ряд решений ЕСПЧ, учитывая, что единственной действенной мерой ответственности за неисполнение решений является исключительно при-

остановление членства или исключение из СЕ. В случаях же, когда государство-ответчик не могло исполнить решение ЕСПЧ, оно направляло извещение в Страсбургский суд и Комитет министров Совета Европы с пояснением, что аналогичные нарушения, выявленные в решении ЕСПЧ, будут и далее иметь место до «завершения внутренней законодательной реформы», которая, естественно, не имела точной даты окончания.

Анализ практики исполнения решений ЕСПЧ странами СЕ показал, что единственным открытым конфликтом между государствами-ответчиками и ЕСПЧ выступает отказ парламента Великобритании исполнить решение страсбургского суда по делу «Херста против Соединенного королевства» в 2012 г., где заключенные требовали предоставления им права голосовать. Представительство Великобритании на предупреждения Комитета Министров СЕ о неисполнении рассматриваемого решения ЕСПЧ многократно заявляли об отказе участия в процессе построения единого европейского пространства и желании выйти из состава СЕ [12, с. 121].

В России первоначально конституционный контроль актов ЕСПЧ был введен в российское законодательство поправками в ст. 43, 85 и 101 Федерального конституционного закона от 21.07.1994 № 1 «О Конституционном суде Российской Федерации». Указанными положениями разрешалось обращение в КС РФ о проверке конституционности нормативных актов вопреки официально принятому межгосударственным органом по защите прав и свобод человека решению, в котором констатируется нарушение в Российской Федерации прав и свобод человека. Также было закреплено, что суд при пересмотре дела в связи с принятием межгосударственным органом по защите прав и свобод человека решения, в котором констатируется нарушение в Российской Федерации прав и свобод человека при применении закона либо отдельных

его положений, придя к выводу, что вопрос о возможности применения соответствующего закона может быть решен только после подтверждения его соответствия Конституции Российской Федерации, обращается с запросом в Конституционный суд Российской Федерации (КС РФ) о проверке конституционности этого закона [14].

Предположительно, указанные изменения в законодательстве о КС РФ были обусловлены правовыми позициями, сформулированными в постановлении КС РФ от 06.12.2013 по второму делу Маркина [9], где еще не были обозначены основания полного отказа России от исполнения решений ЕСПЧ. Тем не менее, поправками к ФКЗ-1 уже 14 декабря 2015 г. после принятия нового решения КС РФ [10] было закреплено полномочие КС РФ разрешать вопрос о возможности исполнения решения межгосударственного органа по защите прав и свобод человека по запросам федерального органа исполнительной власти, наделенного компетенцией в сфере обеспечения деятельности по защите интересов Российской Федерации при рассмотрении в межгосударственном органе по защите прав и свобод человека жалоб, поданных против Российской Федерации. Таким образом, указанное положение фактически предусматривает право КС РФ на легальный отказ от исполнения мер не только общего, но и индивидуального характера, в том числе и выплату денежной компенсации.

Очевидно, что нарушается принцип международного права (*jus cogens*) о добросовестном исполнении принятых международных обязательств (*pacta sunt servanda*). При этом в отечественной юридической литературе многократно высказывалось мнение о том, что общепризнанные принципы международного права, в отличие от международных договоров, имеют силу, по меньшей мере равную Конституции [6, с. 4].

Разъясняя свою позицию, КС РФ в вышеуказанном постановлении от 14.07.2015 указал, что, согласно п. 1 ст. 31 Венской конвенции о праве международных договоров международный договор является обязательным для его участников лишь в том случае, когда значение международного договора уяснено с помощью закрепленных в конвенции правил толкования [11]. Следовательно, если Европейский суд по правам человека при рассмотрении дела толкует Конвенцию с нарушением названных принципов, то государство вправе отказаться от исполнения вынесенного в отношении него судебного постановления.

Можно предположить, что КС РФ, принимая данное решение, вышел за рамки своих полномочий и не учел положений ст. 46 ЕКПЧ, которую Российская Федерация ратифицировала безо всяких оговорок: «Российская Федерация в соответствии со ст. 46 Конвенции признает *ipso facto* и без специального соглашения юрисдикцию ЕС по правам человека обязательной по вопросам толкования и применения Конвенции и Протоколов к ней в случаях предполагаемого нарушения Российской Федерацией положений этих договорных актов, когда предполагаемое нарушение имело место после их вступления в действие в отношении Российской Федерации» (Федеральный закон от 30.03.1998 № 54-ФЗ). Важно отметить, что исполнение принятых судебных актов — это составная часть судебных полномочий, поэтому КС РФ, отказываясь исполнять решения ЕСПЧ, фактически посягает на его полномочия как судебного органа по рассмотрению и разрешению категорий дел, не находящихся в юрисдикции национальных властей.

В результате наблюдаются попытки сформировать внутригосударственные механизмы противодействия «нежелательным» решениям. Несмотря на это, пока государство признает юрисдикцию международного суда, последний имеет

полное право влиять на правоприменительную практику государства. Обязательность исполнения решений суда, их реальное эффективное исполнение и соблюдение, незыблемость правовых позиций в правовой системе государства, а также наличие возможности обращения частных лиц в национальные суды при нарушении международного права отражают эффективность работы суда по созданию единых международно-правовых стандартов и их обеспечению в рамках правовых систем государств.

Таким образом, современный период развития права можно назвать этапом «быстрого увеличения» международных учреждений, наделенных полномочиями по толкованию и применению норм международного права [1, с. 382], и появления различных форм международного судебного разбирательства [3]. Развитие международного правосудия в области прав человека характеризуется такими тенденциями, как локализация и универсализация международно-правовых стандартов, трансформация национальных правовых систем, где особое место занимают осужденные и лица, заключенные под стражу, поскольку их правовой статус в большей степени ограничен.

Однако заданное влиянием норм и принципов международного пенитенциарного права движение уголовно-исполнительной системы и законодательства утратило энергичный характер и приобрело определенную инертность. По истечении пяти лет после принятия Концепции развития УИС РФ до 2020 г. произошел отказ от намерения государства повысить эффективность работы учреждений и органов, исполняющих наказания, до уровня европейских стандартов обращения с осужденными и наметился переход к достаточно абстрактному и во многом инертному совершенствованию деятельности учреждений и органов, исполняющих наказания, с учетом международных стандартов. Как представляется, данный «отказ» без должного обосно-

вания такого решения в документе, который, по сути, является идейным ядром уголовно-исполнительной политики Российской Федерации, а также отсутствие научно проработанного и адаптированного к текущим задачам оптимизации уголовно-исполнительной системы механизма имплементации норм и принципов

международного пенитенциарного права создали ситуацию неочевидности перспектив влияния международных пенитенциарных стандартов и европейской практики защиты прав заключенных на отечественное уголовно-исполнительное законодательство.

Литература

1. Зорькин, В. Д. Современный мир, право и Конституция. — М.: Норма, 2010.
2. Ковалев, А. А. Международная защита прав человека : учебное пособие. — М.: Статут, 2013.
3. Ковлер, А. И. Международные принципы независимой судебной власти к проблеме исследования стандартов справедливого правосудия в свете судебской независимости // Международное правосудие. — 2016. — № 2 (18).
4. Конвенция о защите прав человека и основных свобод (Рим, 4 ноября 1950 г.). — Режим доступа: <http://echr.ru/documents/doc/2440800/2440800-001.htm> (дата обращения: 30.01.2019).
5. Краткая характеристика уголовно-исполнительной системы // Официальный сайт ФСИН России. — Режим доступа: <http://фсин.пф/structure/inspector/iao/statistika/Kratkaya%20har-ka%20UIS> (дата обращения: 30.01.2019).
6. Кузнецова, О. А. Юридическая сила общепризнанных принципов и норм международного права в российской правовой системе // Юридическая наука и правоприменительная практика. — 2009. — № 3.
7. Нешатаева, Т. Н. Решения Европейского суда по правам человека: новеллы и влияние на законодательство и правоприменительную практику. — М.: Норма, 2013.
8. Основные показатели деятельности уголовно-исполнительной системы (январь–сентябрь 2018 г.) : информационно-аналитический сборник. — Тверь, 2018.
9. По делу о проверке конституционности положений статьи 1 Федерального закона «О ратификации Конвенции о защите прав человека и основных свобод и Протоколов к ней», пунктов 1 и 2 статьи 32 Федерального закона «О международных договорах Российской Федерации», частей первой и четвертой статьи 11, пункта 4 части четвертой статьи 392 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации, частей 1 и 4 статьи 13, пункта 4 части 3 статьи 311 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации, частей 1 и 4 статьи 15, пункта 4 части 1 статьи 350 Кодекса административного судопроизводства Российской Федерации и пункта 2 части четвертой статьи 413 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с запросом группы депутатов Государственной Думы: постановление Конституционного суда РФ от 14.07.2015 № 21-П // Собрание законодательства РФ. — 2015. — № 30.
10. По делу о проверке конституционности положений статьи 11 и пунктов 3 и 4 части четвертой статьи 392 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации в связи с запросом президиума Ленинградского окружного военного суда: постановление Конституционного суда РФ от 06.12.2013 № 27-П // Собрание законодательства РФ. — 2013. — № 50.
11. По делу о проверке конституционности положений статьи 1 Федерального закона «О ратификации Конвенции о защите прав человека и основных свобод и Протоколов к ней», пунктов 1 и 2 статьи 32 Федерального закона «О международных дого-

- ворах Российской Федерации», частей первой и четвертой статьи 11, пункта 4 части четвертой статьи 392 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации, частей 1 и 4 статьи 13, пункта 4 части 3 статьи 311 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации, частей 1 и 4 статьи 15, пункта 4 части 1 статьи 350 Кодекса административного судопроизводства Российской Федерации и пункта 2 части четвертой статьи 413 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с запросом группы депутатов Государственной Думы: постановление Конституционного суда РФ от 14.07.2015 № 21-П // Собрание законодательства РФ. — 2015. — № 30.
12. Спасенников, Б. А. Использование иностранного опыта для совершенствования деятельности пенитенциарной системы России // NovaInfo.Ru. — 2015. — Т. 1. — № 36.
  13. Старженецкий, В. В. Международные суды и трансформация национальных правовых систем // Международное правосудие. — 2013. — № 3 (7).
  14. Худoley, К. М. Отказ от исполнения решений международных судебных органов по защите прав и свобод граждан // Вестник Пермского университета. Юридические науки. — 2017. — № 38.
  15. Шеслер, А. В. Уголовно-правовая политика. — Новокузнецк: ФКОУ ВО Кузбасский институт ФСИН России, 2018.
  16. Spencer, D. Overview of Language Rights in the International Criminal Law Sentencing Models // International Journal for the Semiotics of Law. — 2018. — V. 31. — I. 4.

References

1. Zor'kin, V. D. Sovremennyy mir, pravo i Konstituciya [Modern world, right and Constitution]. Moscow, Norma, 2010.
2. Kovalev, A. A. Mezhdunarodnaya zashchita prav cheloveka [International protection of human rights] : manual. Moscow, Statute, 2013.
3. Kovler, A. I. Mezhdunarodnye principy nezavisimoy sudebnoj vlasti k probleme issledovaniya standartov spravedlivogo pravosudiya v svete sudejskoj nezavisimosti [The international principles of independent judicial authority to a problem of a research of standards of fair justice in the light of judicial independence] // Mezhdunarodnoe pravosudie [The International Justice], 2016, no. 2 (18).
4. Konvenciya o zashchite prav cheloveka i osnovnyh svobod (Rim, 4 noyabrya 1950 g.) [Convention on protection of human rights and fundamental freedoms (Rome, on November 4, 1950)] // <http://echr.ru/documents/doc/2440800/2440800-001.htm> (accessed 01/30/2019).
5. Kratkaya harakteristika ugovolno-ispolnitel'noj sistemy [Short characteristic of penal correction system] // Official site of the FPS of Russia. [http://фсин.пф/structure/inspector/iao/statistika/Kratkaya har-ka UIS](http://фсин.пф/structure/inspector/iao/statistika/Kratkaya%20har-ka%20UIS) accessed 01/30/2019).
6. Kuznecova, O. A. Yuridicheskaya sila obshchepriznannyh principov i norm mezhdunarodnogo prava v rossijskoj pravovoj sisteme [Validity of the conventional principles and rules of international law in the Russian legal system] // Yuridicheskaya nauka i pravoprimitel'naya praktika [Jurisprudence and law-enforcement practice], 2009, no. 3.
7. Neshataeva, T. N. Resheniya Evropejskogo suda po pravam cheloveka: novelly i vliyanie na zakonodatel'stvo i pravoprimitel'nuyu praktiku [Solutions of the European Court of Human Rights: short stories and influence on the legislation and law-enforcement practice][Solutions of the European Court of Human Rights: short stories and influence on the legislation and law-enforcement practice]. Moscow, Norma, 2013.

8. Osnovnye pokazateli deyatelnosti ugolovno-ispolnitel'noj sistemy (yanvar'-sentyabr' 2018 g.): [Key performance indicators of penal correction system (January-September, 2018)] : information analytical collection. Tver, 2018.
9. Po delu o proverke konstitucionnosti polozhenij stat'i 1 Federal'nogo zakona "O ratifikacii Konvencii o zashchite prav cheloveka i osnovnyh svobod i Protokolov k nej", punktov 1 i 2 stat'i 32 Federal'nogo zakona "O mezhdunarodnyh dogovorah Rossijskoj Federacii", chastej pervoj i chetvertoj stat'i 11, punkta 4 chasti chetvertoj stat'i 392 Grazhdanskogo processual'nogo kodeksa Rossijskoj Federacii, chastej 1 i 4 stat'i 13, punkta 4 chasti 3 stat'i 311 Arbitrazhnogo processual'nogo kodeksa Rossijskoj Federacii, chastej 1 i 4 stat'i 15, punkta 4 chasti 1 stat'i 350 Kodeksa administrativnogo sudoproizvodstva Rossijskoj Federacii i punkta 2 chasti chetvertoj stat'i 413 Ugolovno-processual'nogo kodeksa Rossijskoj Federacii v svyazi s zaprosom gruppy deputatov Gosudarstvennoj Dumy [On the case of check of constitutionality of provisions of Article 1 of the Federal law "About Ratification of the Convention on Protection of Human Rights and Fundamental Freedoms and Protocols to It", Paragraphs 1 and 2 of Article 32 of the Federal law "About International Treaties of the Russian Federation", parts of the first and fourth Article 11, point 4 parts of the fourth Article 392 of the Civil Procedure Code of the Russian Federation, Parts 1 and 4 of Article 13, Paragraph 4 of Part 3 of Article 311 of the Arbitration procedural code of the Russian Federation, Parts 1 and 4 of Article 15, Paragraph 4 of Part 1 of Article 350 of the Code of administrative legal proceedings of the Russian Federation and point 2 parts of the fourth Article 413 of the Code of Criminal Procedure of the Russian Federation in connection with a request of group of deputies of the State Duma: resolution of the Constitutional court of the Russian Federation of July 14, 2015 No. 21-P] // Sobranie zakonodatel'stva Rossijskoj Federacii [Russian Federation Code], 2015, no. 30.
10. Po delu o proverke konstitucionnosti polozhenij stat'i 11 i punktov 3 i 4 chasti chetvertoj stat'i 392 Grazhdanskogo processual'nogo kodeksa Rossijskoj Federacii v svyazi s zaprosom prezidiuma Leningradskogo okruzhnogo voennogo suda [On the case of check of constitutionality of provisions of Article 11 and Paragraphs 3 and 4 of a part of the fourth Article 392 of the Civil procedural code of the Russian Federation in connection with a request of presidium of the Leningrad district military court: resolution of the Constitutional court of the Russian Federation of December 6, 2013 №. 27-P] // Sobranie zakonodatel'stva Rossijskoj Federacii [Russian Federation Code], 2013, no. 50.
11. Po delu o proverke konstitucionnosti polozhenij stat'i 1 Federal'nogo zakona "O ratifikacii Konvencii o zashchite prav cheloveka i osnovnyh svobod i Protokolov k nej", punktov 1 i 2 stat'i 32 Federal'nogo zakona "O mezhdunarodnyh dogovorah Rossijskoj Federacii", chastej pervoj i chetvertoj stat'i 11, punkta 4 chasti chetvertoj stat'i 392 Grazhdanskogo processual'nogo kodeksa Rossijskoj Federacii, chastej 1 i 4 stat'i 13, punkta 4 chasti 3 stat'i 311 Arbitrazhnogo processual'nogo kodeksa Rossijskoj Federacii, chastej 1 i 4 stat'i 15, punkta 4 chasti 1 stat'i 350 Kodeksa administrativnogo sudoproizvodstva Rossijskoj Federacii i punkta 2 chasti chetvertoj stat'i 413 Ugolovno-processual'nogo kodeksa Rossijskoj Federacii v svyazi s zaprosom gruppy deputatov Gosudarstvennoj Dumy [On the case of check of constitutionality of provisions of Article 1 of the Federal law "About Ratification of the Convention on Protection of Human Rights and Fundamental Freedoms and Protocols to It", Paragraphs 1 and 2 of Article 32 of the Federal law "About International Treaties of the Russian Federation", parts of the first and fourth Article 11, point 4 parts of the fourth Article 392 of the Civil Procedure Code of the Russian Federation, Parts 1 and 4 of Article 13, Paragraph 4 of Part 3 of Article 311 of the Arbitration procedural code of the Russian Federation, Parts 1 and 4 of Article 15, Paragraph

- 4 of Part 1 of Article 350 of the Code of administrative legal proceedings of the Russian Federation and point 2 parts of the fourth Article 413 of the Code of Criminal Procedure of the Russian Federation in connection with a request of group of deputies of the State Duma]: resolution of the Constitutional Court of the Russian Federation of July 14, 2015 №. 21-П] // Sobranie zakonodatel'stva Rossijskoj Federacii [Russian Federation Code], 2015, no. 30.
12. Spasennikov, B. A. Ispol'zovanie inostrannogo opyta dlya sovershenstvovaniya deyatel'nosti penitenciarnoj sistemy Rossii [Use of foreign experience for improvement of activity of penal system of Russia] // NovaInfo.Ru, 2015, vol. 1, no. 36.
  13. Starzheneckij, V. V. Mezhdunarodnye sudy i transformaciya nacional'nyh pravovyh sistem [International Court of Justice and transformation of national legal systems] // Mezhdunarodnoe pravosudie [International justice], 2013, no. 3 (7).
  14. Hudolej, K. M. Otkaz ot ispolneniya reshenij mezhdunarodnyh sudebnyh organov po zashchite prav i svobod grazhdan [Failure from execution of solutions of the international judicial authorities on protection of the rights and freedoms of citizens] // Vestnik Permskogo universiteta. Yuridicheskie nauki [The Bulletin of the Perm University. Jurisprudence], 2017, no. 38.
  15. Shesler, A. V. Ugolovno-pravovaya politika [Criminal law policy]. Novokuznetsk, Kuzbass Institute of the FPS of Russia, 2018.
  16. Spencer, D. Overview of Language Rights in the International Criminal Law Sentencing Models [// International Journal for the Semiotics of Law [International Journal for the Semiotics of Law], 2018, v. 31, i. 4.

Сведения об авторах

Тепляшин Павел Владимирович: Сибирский юридический институт МВД России (г. Красноярск, Российская Федерация), профессор кафедры уголовного права и криминологии, кандидат юридических наук, доцент. E-mail: pavlushat@mail.ru

Обернихина Олеся Валерьевна: ФКОУ ВО Кузбасский институт ФСИИ России (г. Новокузнецк, Российская Федерация), преподаватель кафедры уголовно-исполнительного права и криминологии. E-mail: Olesia.obernihina@yandex.ru

Information about the authors

Tepliyashin Pavel Vladimirovich: Siberian Law Institute of the MIA of Russia (Krasnoyarsk, Russia), professor of the Chair of Criminal Law and Criminology, candidate of law, associate professor. E-mail: pavlushat@mail.ru

Obernikhina Olesia Valeryevna: Kuzbass Institute of the FPS of Russia (Novokuznetsk, Russia), lecturer of the Chair of Penal Law and Criminology. E-mail: Olesia.obernihina@yandex.ru